

Цзюнь Чи был не из глупых, а потому не спешил на слово верить хозяину ресторана Хунсин. В чужих краях осторожность — лучший союзник. Войдя во внутреннее кольцо города Юэлин, он первым делом расспросил прохожих о ресторане Сюаньцзунь и Башне Тысячи Ушей. Оказалось, Сюаньцзунь — заведение элитное, почтенное и принадлежит самой бессмертной секте Даньцянъ. Условия там роскошные, сервис безупречный, но и цены, разумеется, кусаются.

Цзюнь Чи не до конца понимал, что значит «принадлежит секте»: то ли это прямое имущество ордена, то ли владение какого-то влиятельного клана внутри него. Но одно он усвоил твердо: раз за штурвалом люди из секты, разузнать о Бессмертном владыке Нин Фэне будет куда проще. Быть может, даже удастся найти того, кто сможет их представить.

Что же касается Башни Тысячи Ушей, то это была независимая организация, часть огромной сети, специализирующейся на торговле информацией. Поговаривали, что в мире почти нет тайн, которые им не под силу раскрыть — при условии, что у заказчика хватит золота. Цены у них тоже были заоблачными.

Эти сведения во внутреннем городе были известны каждому встречному. Неудивительно, что даже скромный хозяин «Хунсина» слышал о них.

Вскоре Цзюнь Чи и Лэ Ли остановились перед фасадом ресторана Сюаньцзунь.

Заведение превзошло все ожидания. Оно напоминало необъятное поместье. Главное здание, выходящее на улицу, возвышалось этажей на десять и растянулось вширь на добрую сотню метров. Величественное и помпезное, оно сверкало бесчисленными светильниками, зачарованными духовной силой. В ночном небе ресторан сиял так ослепительно и роскошно, что дух захватывало.

Глядя на это великолепие, Лэ Ли — вечный житель пещер — застыл в немом изумлении. Даже Цзюнь Чи, считавший себя человеком, выдавшим виды, почувствовал легкий укол оторопи. «Главный зал школы Юйтай и в подметки не годится этому месту», — подумал он. — «Настоящая ярмарка тщеславия. Как же здесь любят сорить деньгами!»

Он невольно коснулся сознанием своего накопительного кольца, гадая, не пустит ли их по миру проживание в таком «семизвездочном» отеле.

Перед входом раскинулась широкая площадь. Стоило спутникам замереть у порога, как Лэ Бан, возбужденно извиваясь на плечах брата, принялся озираясь по сторонам, впитывая дивный новый мир. В этот момент с небес, рассекая воздух, спустился белоснежный ездовой зверь, похожий на тигра, но гораздо изящнее. От мощного взмаха его крыльев поднялся ветер. Одежды Цзюнь Чи и Лэ Ли затрепетали, длинная коса последнего едва не расплелась, а бедному Лэ Бану пришлось мертвой хваткой вцепиться в шею брата.

Двое людей и змея проводили зверя взглядом. С седла легко соскочил молодой заклинатель в белоснежных одеждах. Его движения были полны самолюбования: волосы, даже не

перехваченные лентой, живописно развевались на ветру. Он картинно поправил прядь и окинул Цзюнь Чи с Лэ Ли высокомерным взглядом. В его глазах так и читалось: «Чего уставились, деревенщины? Красивых мужчин никогда не видели?»

Цзюнь Чи мысленно скривился. «Боже, в этом мире что, повальная мода на белый цвет? Мало того, что вырядился как на свадьбу, так еще и лицо, небось, пудрой натер. Точно натер!»

Он не удержался и передал Лэ Ли через божественное чувство:

«Старший, вам не кажется, что этот парень какой-то... приторный?»

Лэ Ли, чье лицо оставалось бесстрастным, ответил вслух:

— Это не женщина. Это мужчина.

Цзюнь Чи поспешил уточнить:

— Я не о том, что он девица. Я о том, что для мужчины он выглядит слишком женоподобно.

Лэ Ли не уловил тонкостей терминологии — в его лексиконе отсутствовали понятия «метросексуал» или «хипстер». Он лишь недоуменно взглянул на Цзюнь Чи, принимая новую информацию к сведению, и коротко бросил:

— А. Понимаю.

Для заклинателя божественное чувство — инструмент тонкий, а слух — безупречный. Лэ Ли, не имевший привычки к человеческим интригам, даже не подумал понизить голос. «Белоснежный красавец» еще не успел переступить порог, как каждое слово достигло его ушей. Он замер, гневно нахмурился и резко развернулся к ним.

Его зверь, разделяя ярость хозяина, грозно зарычал. Из рта хищника вырвались ветряные лезвия, способные изрезать одежду в клочья, но Цзюнь Чи и Лэ Ли мгновенно выставили защитный барьер, оставаясь невредимыми.

Цзюнь Чи предпочитал мирное решение конфликтов — сам сглупил, сказав лишнее, зачем же продолжать? Но Лэ Ли был существом иного порядка. Как демонический практик, он не понимал человеческих обид и недомолвок. Для него этот заклинатель стадии Золотого Ядра был не более чем назойливой мухой. Даже гнев этого заклинателя стадии Золотого Ядра ничуть не задел его, ведь будучи мастером стадии Трансформации Духа, он и бровью не повел.

А вот Лэ Бан оскорбился. Мало того, что какие-то проходимцы пытались его купить, так теперь еще и полосатая кошка смеет на него рычать? Черная змейка молниеносно подняла голову с

плеча Лэ Ли и начала стремительно увеличиваться в размерах. За считанные секунды из тонкого шнурка он превратился в гада толщиной в руку. С яростным шипением Лэ Бан выплюнул три огромных огненных шара прямо в морду белоснежному зверю.

Пока хозяева сдерживались, питомцы уже перешли к делу. Тигр, чей рот еще не закрылся после атаки ветром, не успел выпустить новый заряд и попытался уклониться. Однако огненные снаряды летели не по прямой, а под углом, отрезая пути к отступлению. От третьего шара зверь бы точно не ушел, если бы его «прекрасный» хозяин не взмахнул рукавом, развеивая пламя новичка Лэ Бана.

Красавец, вскинув брови, выхватил духовный меч. Направив острие на Цзюнь Чи и Лэ Ли, он процедил:

— Наглые ничтожества! Позавидовали моей внешности и решили оклеветать? Я вам этого не спущу!

Цзюнь Чи скорчил страдальческую мину:

— Послушайте, уважаемый, никто вашей красоте не завидует. Вы ведь в отель собирались? Вот и ступайте себе с миром.

Лэ Ли тем временем честно спросил Цзюнь Чи:

— А он правда красивый?

Цзюнь Чи тихо шепнул:

— Старший, вы впервые в обществе. Запомните: у людей нельзя говорить все, что думаешь, в лоб. Это прямой путь к вражде и недопониманию.

Лэ Ли на мгновение задумался и кивнул:

— Видимо, мне еще многое предстоит познать.

— Вот именно. Вы только вышли в мир, откуда вам знать правила? Со временем освоитесь, — примирительно подытожил Цзюнь Чи.

Белоснежный господин, казалось, сейчас лопнет от ярости. Он атаковал. Его меч озарился сияющим белым светом — красиво, театрально, но... совершенно не грозно. Лэ Ли и Цзюнь Чи смотрели на летящее лезвие с полным безразличием.

Удар не достиг цели. Яркая лента перехватила меч, развеивая духовную энергию в пыль.

Из дверей ресторана неспешной походкой вышла женщина в платье цвета осеннего клена. Двигалась она мягко, но в мгновение ока оказалась между противниками. Чуть склонившись перед красавцем в белом, она с улыбкой произнесла:

— Мое почтение молодому господину Кунсюю. Правила Сюаньцзуня гласят: внутри и перед порогом обители оружие не обнажать. Если же господа желают разрешить спор силой, в нашем заведении есть прекрасная арена. Всего сто высших камней в час — и вы можете пользоваться ей в свое удовольствие.

«Сто высших камней? Да вы грабите среди бела дня!» — возмутился про себя Цзюнь Чи.

Молодой господин Кунсюй, не сводя глаз с обидчиков, выплюнул:

— Что скажете? Принимаете вызов? Или трусили? Не хочу создавать проблем Сюаньцзуню, так что идем на арену. Я заставлю вас заплатить за каждое слово!

Лэ Бан, который все еще оставался огромным и неуклюже обвивал плечи брата, едва не придавил Лэ Ли своим телом. Тот, привыкший к капризам младшего, все же ощутил дискомфорт, схватил змею за загривок и заставил ее уменьшиться. После чего спокойно спросил Цзюнь Чи:

— Он что, бросает нам вызов?

В голосе его не было ни капли злобы — лишь легкое удивление, с каким взрослый смотрит на расшалившегося ребенка.

Это спокойствие довело Кунсюя до белого каления. Его лицо, и без того бледное, пошло пятнами. Цзюнь Чи же, обращаясь к Лэ Ли, резонно заметил:

— Старший, за это просят сто камней. Даже если пополам — пятьдесят высших камней на ветер. Оно нам надо? Не стоит он того.

С чего бы им помогать этой девице выполнять план по выручке?

Кунсюй презрительно рассмеялся. В присутствии распорядительницы Цун Тун он не мог ударить в грязь лицом.

— Нищebroды. Даже пятидесяти камней в кармане нет? Я заплачу за всех!

Лэ Ли пожал плечами:

— Ну, раз он платит — пойдём.

Цун Тун, просияв улыбкой, защебетала:

— Тогда прошу на регистрацию, и я провожу вас к помосту.

По пути к арене господин Кунсуй шел впереди, и каждый его шаг был подобен распускающемуся лотосу — столько в нем было жеманства. Цзюнь Чи и Лэ Ли следовали за ним. Поскольку со зверями внутри расхаживать запрещалось, «тигр» исчез в жетоне хозяина, а Лэ Бана, несмотря на все его протесты, Лэ Ли силой запихал в широкий рукав, где тот продолжал сердито ворочаться.

Слух о поединке разлетелся мгновенно.

— Слыхали? Господин Кунсуй решил проучить парочку наглых бродяг.

— Этот приторный индюк? Опять нашел кого послабее, чтобы самоутвердиться?

— Пойдем глянем?

— Давно на арене ничего стоящего не было. Хоть посмеемся.

— Да что там смотреть? Кунсуй только и умеет, что хвалиться ресурсами семьи. Накупил пилюль, пробился в Золотое Ядро, а толку? Мечом машет как девка на выданье.

— Все равно он на середине Золотого Ядра. Посильнее многих будет.

— Да я бы сам ему навалял, если бы не сто камней взноса. Жадность Сюаньцзуня не знает границ.

К моменту, когда Цун Тун привела их к арене, вокруг уже собралась приличная толпа зевак.

— Кто из вас выйдет на бой? — осведомилась распорядительница.

Цзюнь Чи не успел и рта открыть, как Лэ Ли бесстрастно обронил:

— Я.

Кунсуй одарил его презрительной усмешкой, выложил камни и капнул кровью на нефритовую табличку, подтверждая, что в случае травм или смерти претензий не имеет. Кровь мгновенно впиталась в камень.

Затем Лэ Ли подошел к табличке и легко коснулся ее длинным пальцем.

На краю арены появился судья — заклинатель на стадии Зарождения Души.

Противники поднялись на помост. Кунсуй в своих ослепительно белых одеждах и с надменным взглядом картинно направил меч на Лэ Ли. Тот стоял в облегающем черном костюме, поверх которого была наброшена простая темная мантия. Его лицо было не просто холодным — оно казалось высеченным из камня.

Судья дал сигнал.

— Ты ответишь за свое богохульство! Сдохни! — взвизгнул Кунсуй.

Он бросился вперед, описывая мечом замысловатую дугу. Лэ Ли даже не пошевелился. Толпа ахнула. «Хоть удары этого неженки и не слишком глубоки, но скорость приличная. Парень пропал», — пронеслось в головах зрителей.

Но не успели они додумать эту мысль, как Лэ Ли исчез. Никто — даже сидевшие в первых рядах практики на пике Золотого Ядра — не уловил его движения. В следующее мгновение господин Кунсуй уже лежал на досках арены ничком, не подавая признаков жизни.

Судья застыл с открытым ртом. Он перевел взгляд с поверженного красавца на Лэ Ли. Тот стоял на другом конце помоста с таким видом, будто только что стряхнул с одежды пыль. Он глянул на судью, и тот сглотнул. «Великий мастер... Он просто скрыл свою истинную силу».

Потребовалось несколько секунд, чтобы судья обрел дар речи:

— Лэ Ли... победил.

<http://bllate.org/book/17440/1662213>